УДК 316.4

ХАЗИЕВ И.Х.

Понятие социальной безопасности: логико-методологический анализ

Акцентирована актуальность проблемы исследования социальной безопасности, связанная с необходимостью преодоления искаженных представлений о данном феномене, его нормативно-правовой неопределенностью и, как следствие, ограниченным применением в управленческой практике. Рассмотрены три ступени логического развития понятия «безопасность»: безопасность – отсутствие опасности; безопасность – защищенность от опасности; безопасность – обеспечение защищенности от опасности. Дана сравнительная характеристика трех концептуальных подходов к выделению и характеристике особенностей социальной безопасности: объектный (в зависимости от объекта безопасности), факторный (в зависимости от источника безопасности), функциональный (в зависимости от характера безопасности). Раскрыто соотношение понятий «социальная безопасность», «национальная безопасность», «безопасность личности».

Ключевые слова: социальная безопасность, социальная защищенность, социальная опасность, социальная угроза, национальная безопасность, безопасность личности.

Термин «социальная безопасность» получил широкое распространение в современном научном и политическом дискурсе по вопросам защищенности и защиты человека от разного рода угроз.

В течение длительного времени безопасность понималась узко, исключительно как защита государства от угрозы извне. Она рассматривалась преимущественно в политическом или военном аспекте. Вопросы безопасности входили в компетенцию Комитета государственной безопасности и военных ведомств. В настоящее время в науке и политике преодолен узкий и упрощенный взгляд на безопасность. Существует более или менее общепризнанная концепция того, что безопасность человека и общества имеет помимо военной политическую, экономическую, социальную, экологическую, научно-техническую, информационную и другие составляющие. В этом категориально-понятийном ряду социальная безопасность актуализируется тем обстоятельством, что ее меры направлены непосредственно на человека, защиту его насущных материальных, духовных и других жизненных интересов[1].

Вместе с тем сущность социальной безопасности, по мнению многих исследователей, остается нераскрытой[2].

Цель данной статьи – провести логико-методологический анализ понятия социальной безопасности и попытаться частично восполнить пробел в его теоретической интерпретации. При этом логический анализ предусматривает определение социальной безопасности в его соотношении с другими родственными понятиями: «безопасность», «национальная безопасность» и т.п.; методологический анализ предполагает раскрытие эвристического потенциала «социальной безопасности», его значения для исследования социальной действительности. Эти аспекты научного анализа взаимосвязаны и переходят друг в друга, что не мешает им сохранять относительную автономность в постановке и решении исследовательских задач: логический анализ направлен больше «извне», т.е. со стороны других понятий, методологический анализ – «изнутри», т.е. со стороны раскрытия имманентного содержания исследуемого понятия.

Актуальность цели исследования связана по меньшей мере с тремя обстоятельствами.

Во-первых, она связана с распространением искаженных представлений о социальной безопасности, точнее сказать, с необходимостью их преодоления. Некоторые исследователи считают, к примеру, что это понятие отражает в комплексе все виды безопасности (экономическую, политическую, экологическую и другие) и равнозначно понятию «национальная безопасность», поэтому нет смысла в его употреблении[3]. Другие придерживаются мнения, что выделение социальной безопасности невозможно или крайне затруднено, так как собственно социальные процессы почти невозможно отделить от экономических, политических и духовно-нравственных, а значит, лучше употреблять понятия «социально-экономическая», «социально-политическая» и так далее безопасность.

Во-вторых, в научной литературе акцентируется нормативно-правовая неопределенность понятий «безопасность», «социальная безопасность»[4]. Как утверждает В.Н. Лексин, понятие «безопасность», активно используемое в российских нормативных актах, представлено словесными конструкциями, практически не переводимыми на язык управления. Он указывает, в частности, на один из первых законов постсоветской России («О безопасности»)[5], в котором под «безопасностью» понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Она (безопасность) достигается проведением единой государственной политики, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства. «Нетрудно видеть, – отмечает В.Н. Лексин, – что эта дефиниция предполагает наличие столь же нормативно закрепленных понятий «жизненно важные интересы» (чем, в частности, они отличаются от «прав и свобод»?), «внутренние и внешние угрозы», меры, «адекватные угрозам», «единая политика» и т. п., чего ни один нормативный акт не содержит и содержать не может».

В-третьих, содержательная и нормативно-правовая неопределенность понятия «социальная безопасность» препятствует его более широкому, нежели сейчас, введению в контекст управленческой практики. Потребность же в таком введении очевидна, поскольку участившаяся артикуляция социальной безопасности отражает наличие острых социальных пробелов, требующих разрешения, эффективного управленческого воздействия.

Приступая непосредственно к уточнению понятия «безопасность», отметим, что основные точки зрения на этот счет заключаются в следующем: согласно первой точке зрения, безопасность есть отсутствие какой-либо опасности; согласно второй точке зрения, безопасность – это защищенность от угроз.

Дословно безопасность означает отсутствие опасности. Однако «в реальном окружающем мире не существует «ситуаций без опасности»: где бы мы ни находились, хоть что-нибудь угрожает нам. Иными словами, при рассмотрении безопасности как отсутствия опасности она сводится к чему-то несуществующему. «Безопасность обозначает качественно сложное явление, смысл которого не исчерпывается отрицанием опасностей... Категория безопасности охватывает различные аспекты, среди которых выделяется способность к выживанию, т.е. способность к сохранению своего существования и продолжению жизнедеятельности»[6].

Поскольку в мире не существует «ситуаций без опасности» и сама мера опасности оказывается различной для человека, то вводится понятие *социально приемлемого риска* как меры допустимой опасности. Концепция приемлемого риска позволяет разрешить противоречие между пользой и вероятной опасностью. Для полной и объективной оценки опасности необходимо учитывать риск для общества в целом и его отдельных членов. Затраты на мероприятия по обеспечению безопасности зависят от приемлемости источников риска неблагоприятных последствий. В идеальном случае уровень приемлемого риска должен соответствовать условию равновесия между риском и пользой от этого вида деятельности.

Как утверждает бывший руководитель МЧС России и нынешний министр обороны С.К. Шойгу, переход России в своей деятельности по обеспечению безопасности к политике «приемлемого» риска требует

коренного изменения всей исполнительной и законодательной системы управления безопасностью: установка на «реагировать и выправлять» заменяется концепцией «предвидеть и предупреждать». Переход от принципа «абсолютной» безопасности или «нулевого» риска к принципу «приемлемого» риска – это качественно новый шаг не только в данной области. Он определил направление дальнейшего развития всей социально-экономической системы нашей страны. Сегодня таким показателям безопасности, как здоровье населения и качество окружающей среды, отводится роль «индикатора» устойчивого развития страны, а процессу обеспечения безопасности – роль механизма управления[7].

Что касается второго подхода – описания безопасности через защищенность, то уязвимость такого описания состоит в игнорировании средств, способов уменьшения и ослабления опасностей, их предупреждения и устранения.

Указанные подходы к описанию (определению) безопасности – через «отсутствие опасности» и через «защищенность» – не исключают друг друга, а представляют собой две ступени логического развития понятия «безопасность». Первая ступень – «отсутствие опасности», вторая ступень – то же отсутствие опасности, но достигаемое в результате определенных действий. Защищенность – это отсутствие опасности, достигаемое посредством целенаправленных действий. Отсутствие опасности – та же защищенность, но появляющаяся естественным путем.

Возможна и третья – более содержательная – ступень определения безопасности, предусматривающая не просто защищенность объекта, а *обеспечение* этой защищенности. Исходя из этого, можно определить безопасность как обеспечение защищенности объекта от внешних и внутренних угроз.

Таким образом, выделяются три ступени логического развития понятия «безопасность»:

– безопасность – отсутствие опасности (угрозы);

– безопасность – защищенность от опасности (угрозы);

– безопасность – обеспечение защищенности от опасности (угрозы).

По мере продвижения от одной ступени к другой происходит усиление «активной составляющей» в содержании понятия «безопасность». От удельного веса этой «составляющей» зависит в свою очередь частота употребления одного из трех значений «безопасности».

Продолжая логический анализ «безопасности» как родового понятия, обратим внимание на три различных подхода к выделению и формулированию ее видовых особенностей.

Первый подход – *объектный*, при котором основанием для выделения видов безопасности является ее объект; например, безопасность дорожного движения, безопасность товара и т.п.

Второй подход – *факторный*, при котором основанием для выделения видов безопасности выступают соответствующие угрозы, от которых нужно защититься, например радиационная безопасность, пожарная безопасность, военная безопасность и т.п. В обозначении отдельных видов безопасности совмещаются оба подхода. Так, например, экологическая безопасность выражает, с одной стороны, отсутствие опасности для среды обитания человека (объектный подход), с другой стороны, отсутствие опасностей для человека, проистекающих из естественной среды обитания (факторный подход).

Третий подход – *функциональный.* Основанием для выделения видов безопасности служит соответствующий аспект функционирования ее объекта, например экономическая безопасность, духовная безопасность и т.п. В этом понятийном ряду следует рассматривать и *социальную безопасность.*

Переходя к самому главному вопросу рассматриваемой статьи – определению специфики социальной безопасности, заметим, что эта специфика раскрывается опять же посредством объектного, факторного и функционального подходов как по отдельности, так и в совокупности.

Объектный подход к интерпретации безопасности, включая ее социальную разновидность, акцентирует внимание на безопасности *кого* или *чего*. При этом объектами социальной безопасности являются сами люди – личность, социальная общность, общество.

Факторный подход к исследованию социальной безопасности акцентирует внимание на защищенности людей от специфических угроз, связанных с их собственной деятельностью. Он акцентирует внимание на безопасности *от кого* или *от чего*. При этом содержание социальной безопасности рассматривается как состояние защищенности личности (общности, общества) не только от внешних, но и от внутренних угроз, связанных непосредственно с жизнедеятельностью человека.

Еще один – функциональный – подход к определению социальной безопасности акцентирует внимание на том, *в чем* именно заключается безопасность и защищенность социального объекта от угроз. Заметим в этой связи, что отчасти правы те авторы, которые редуцируют социальную безопасность до социально-экономической, социально-политической и т.п. Социальная безопасность, действительно, проявляется в социально-экономической, социально-политической и т.п. форме. Но она не сводится к этой форме, ее функциональная специфика состоит в том, что она выражает одну из базовых потребностей. Социально-политическая и социально-экономическая безопасность обретают качество социальной безопасности, если она затрагивает *потребность в безопасности, удовлетворение этой потребности.* В ином случае эти виды безопасности относятся к защищенности соответствующих видов человеческой деятельности – социально-политической и т.п. Человека, разумеется, трудно отделить от того или иного вида его деятельности, но возможно. Виды его деятельности взаимозаменяемы, тогда как ему самому потребности в безопасности замены нет.

Таким образом, специфика социальной безопасности заключается, во-первых, в ее объекте (общество, общность, личность), во-вторых, в источнике угрозы (жизнедеятельность человека), в-третьих, в интегральном характере.

С целью более содержательного и развернутого определения специфики социальной безопасности отметим следующее.

Во-первых, социальная безопасность представляет собой *интегральное* понятие, обозначающее эффективное функционирование *социальной* сферы, предотвращение деструктивных явлений' и процессов, сохранение и развитие условий, средств и способов социализации человека, обеспечение его образа жизни, благосостояния, соблюдение неотъемлемых прав и свобод, духовно-нравственных ценностей.

Во-вторых, социальная безопасность обладает «двойственной» природой. С одной стороны, она является объектом, то есть представляет собой личность, общность, общество, которые нуждаются в благоприятном воздействии внешней среды для их устойчивого развития. С другой — эта социальная система обладает особыми, «человеческими» качествами, такими как разум, воля, целеполагание, которые служат потенциалом для защиты личности от внешних и внутренних опасностей. В данном случае эта система выступает как субъект. При этом исследование феномена социальной безопасности показывает явное преобладание интереса исследователей к системе социальной безопасности как к объекту. Обозначенная проблема практически не раскрыта с точки зрения субъекта социальной безопасности. В некоторых работах лишь обозначена проблема субъекта в системе социальной безопасности[8].

В-третьих, безопасность – *сложное* социальное явление, противоречивым образом отражающее отношения различных социальных субъектов. Нередко одни из них стремятся обеспечить свою безопасность *за счет других* либо в своей деятельности не принимают во внимание интересы иных социальных групп и их потребность в безопасности. Речь в таком случае следует вести о своеобразном «социальном эгоизме», который если и был относительно терпим в предшествующие эпохи, то в эпоху нарастающей глобализации сам начинает представлять собой серьезную угрозу.

Таким образом, специфика угроз, актуализирующих проблему социальной безопасности, заключается в том, что они исходят непосредственно от самого человека, его деятельности или, напротив, бездеятельности. В этой связи обратим внимание на один важный момент. В существующих определениях социальной безопасности акцентируется *ее объектная составляющая*. Причем этот подход был закреплен в свое время в «Концепции национальной

безопасности России», где правомерно утверждалось, что безопасность – это система защиты индивида, общества и государства, но не отмечалось, что индивид, общество и государство могут быть одновременно и угрозами по отношению друг к другу. Система защиты как бы отделялась от субъектов безопасности, тогда как в действительности безопасность заложена в существующих отношениях вместе с субъектами этих отношений. А коли это так, то безопасность – это не состояние защищенности, а общественные отношения, не позволяющие индивидам и государству осуществлять опасные действия. Поэтому государство как носитель особых отношений не позволяет индивидам осуществлять опасные действия в отношении самого себя, индивид не позволяет осуществлять государству опасных действий как в отношении себя, так и в отношении других индивидов. С обществом происходит то же самое. Разрушение отношений внутри общества равносильно его гибели[9].

В-четвертых, социальная безопасность и частные виды безопасности – социально-экономическая, социально-бытовая и т.п. – не разделены китайской стеной. Более того, они переходят друг в друга. Экономическая безопасность, затрагивая базовую потребность человека в защищенности, становится социальной, и, наоборот, социальная безопасность может стать сугубо экономической, потеряв связь с базовой человеческой потребностью.

В-пятых, многоуровневый и многоаспектный характер социальной безопасности находит отражение в ее многочисленных и различающихся определениях:

– социальная безопасность – это вся *совокупность условий,* необходимых для жизни как отдельных индивидов, так и всех политических, экономических и социальных структур[10];

– социальная безопасность – это *форма отношений*, которые покоятся на частной собственности, конкуренции, социальной дифференциации и конфликте[11];

– социальная безопасность есть *совокупность всех видов защитных средств* социальной жизнедеятельности, обусловленная не только структурой социальной организации, особенностями ее функционирования, но и политической, правовой, экологической ситуацией, наличием в ней материальных и интеллектуальных ресурсов[12].

В-шестых, социальная безопасность отражает и воспроизводит *особенности* обществ, различающихся между собой по *динамике* и последствиям происходящих в них трансформационных процессов. Очевидно, что стабильные социальные системы по характеру угроз и степени опасности, исходящей из внешней среды и внутренних источников, существенно отличаются от социальных систем, переживающих кризис[13].

Важные аспекты социальной безопасности выделены в работах В.Н. Лексина[14]. Считаем целесообразным привести их здесь в сокращенном виде.

1. Безопасность есть *лишь одна из многих* характеристик объекта безопасности, которая не может доминировать над остальными, снижая их функциональное значение (например, техническое обеспечение безопасности подводной лодки не должно превращать ее из средства нападения в объект необнаружения); стремление к безопасности не должно сводить к минимуму все остальное.

2. В реальности обеспечить *полную* безопасность чего бы то ни было невозможно; любые решения о безопасности (технические, ресурсные, организационные, кадровые и иные) уместны лишь для *определенного интервала воздействий* (не обязательно внешних) на объект безопасности.

3. Режим безопасности преследует не консервацию функционирования объекта в любых условиях, а лишь сохранение *главных, имманентных* его свойств; безопасность может быть обеспечена потерей чего-то во имя сохранения целого (я называю это «принципом ящерицы»).

4. Социальный прогресс не только не устраняет опасности, но и *не уменьшает их количество*. Скорее, можно обнаружить обратную зависимость: рост технического могущества человека, увеличение его власти над силами природы неизбежно влекут за собой и увеличение источников опасности, рост масштабов исходящих от них угроз.

5. Безопасность требует *определенных усилий* и существенных *трансформаций* ранее «беспечного» объекта; вспомним, например, об особых правилах поведения людей и бизнеса в период массовых эпидемий или эпизоотии.

Завершая логико-методологический анализ понятия социальной безопасности, обратимся к его соотношению с понятиями *национальная безопасность* и *безопасность личности*. С объектной точки зрения социальная безопасность шире национальной безопасности, поскольку предусматривает защиту жизненно важных интересов не только общества в целом (государства), но и личности, социальных общностей. Можно сказать: национальная безопасность – это социальная безопасность общества (государства). Вместе с тем с факторной и функциональной точек зрения понятия «национальная безопасность» и «социальная безопасность» оказываются в положении частичного совпадения. Не всякая угроза для социальной безопасности может иметь общенациональный характер. И, наоборот, не всякая угроза для национальной безопасности, скажем, связанная со стихийными бедствиями и природными катаклизмами, может быть отнесена к социальной угрозе и, соответственно, к социальной безопасности.

Теперь о безопасности личности. В научной литературе[15] проводится различие между социальной безопасностью (то есть устранением и предотвращением угроз для нормального функционирования социального целого) и безопасностью личности (соответственно, устранением и предотвращением угроз существованию индивида), хотя оточевидно, что эти виды безопасности неразрывно связаны друг с другом, и различие между ними носит условный характер. Любая социальная опасность прямым или косвенным образом отражается на существовании личности, и наоборот.

С нашей точки зрения, безопасность личности – это социальная безопасность применительно к отдельной личности, ее защищенность от социальных угроз.

Таким образом, логико-методологический анализ понятия социальной безопасности актуализирован необходимостью, во-первых, преодоления его упрощенного (и тем самым неверного) толкования, во-вторых, устранения его нормативно-правовой неопределенности, в-третьих, более широкого включения в контекст управленческой теории и практики.

Выделяются три ступени логического развития понятия «безопасность»: 1) безопасность – отсутствие опасности; 2) безопасность – защищенность от опасности; 3) безопасность – обеспечение защищенности от опасности.

Возможны три подхода к определению видовых различий понятия «безопасность»: объектный (основание выделения – объект безопасности), факторный (основание – источник угрозы для объекта безопасности), функциональный (основание – характер угрозы для объекта безопасности). Социальная безопасность отличается от других видов безопасности своим объектом (общество, социальная общность, личность), источником угроз (жизнедеятельность человека), интегральным характером угроз. Обосновано положение о взаимопереходе социальной безопасности и частных видов безопасности. Выделены также существенные признаки социальной безопасности:

– детерминированность характером (структурно-функциональным и динамическим) социальных процессов, происходящих в различных обществах;

– двойственный объектно-субъектный характер;

– возможность проявления социального эгоизма в процессе обеспечения социальной безопасности;

– проявление социальной безопасности как одной из функциональных характеристик социального объекта наряду с его другими характеристиками;

– невозможность обеспечения полной социальной безопасности;

– отсутствие прямой связи между социальным прогрессом и масштабом социальных угроз;

– необходимость приложения соответствующих усилий для обеспечения социальной безопасности.

---

[1] Микеладзе Е.Е. Социальная безопасность России в парадигме современных модернизационных процессов: концептуально-методологический подход: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001.

[2] Плотников В.С. Социальная безопасность в транзитивном обществе: содержание и механизм обеспечения: автореф. дис .... канд. социол. наук. Новосибирск, 2004.

[3] Пугин В.Б. К вопросу о концептуализации понятия «социальная безопасность» // Мир и человек в философии и искусстве. Архангельск, 2001.

[4] Лексин В.Н. Безопасность: дефиниции и реальность // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. № 3. С. 121–126.

[5] О безопасности. Федеральный закон РФ от 5.03.1992 г. № 2446-ФЗ.

[6] Лексин В.Н. Указ.соч.

[7] Шойгу С.К. От абсолютной безопасности к приемлемому риску // Экология и жизнь. 2000. № 3.

[8] Пугин В.Б. Социальная безопасность личности: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Архангельск, 2003.

[9] Рац С.В. Роль государства в становлении социальной безопасности в современной России: автореф. дис. ...канд. полит. наук. СПб., 2004.

[10] Рац С.В.. Указ. соч.

[11] Анисимова Е.Г. Управление социальной безопасностью гражданского общества на региональном уровне: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2009.

[12] Анисимова Е.Г. Управление социальной безопасностью гражданского общества на региональном уровне: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2009.

[13] Пугин В.Б. Социальная безопасность личности: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Архангельск, 2003.

[14] Лексин В.Н. Безопасность: дефиниции и реальность // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. № 3. С. 121–126.

[15] Кораблин Ю.А. Социальная безопасность личности в трансформируемой России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004.